

В. Г. Белинский

**О критике
и литературных
мнениях «Московского...**

Виссарион Григорьевич Белинский

О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2779585*

Аннотация

Борьба с Шевыревым, провозглашавшим, что литературе нашей для преуспевания нужно равняться на «светскость», на тон высшего общества, составляет основное содержание этой статьи. Но она дополняется полемикой по историко-литературным вопросам. Шевырев призывал к отказу от всяких общих методологических предпосылок, философских теорий в области литературы. С его точки зрения история литературы должна быть эмпирическим изложением фактов. Надеждин, опровергая Шевырева, ведет борьбу против этой «странной предубежденности против мыслительности». «Истинная система, — заявляет Надеждин, — не только не исключает фактов, наоборот, требует самого подробного и полного их знания». Белинский, не останавливаясь специально на этих проблемах, выразил полное согласие с точкой зрения Надеждина и решительно осудил «односторонних фактистов»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

16

Комментарии

Виссарион Григорьевич Белинский

О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя»

Что такое критика? Простая оценка художественного произведения, приложение теории к практике, или усилие создать теорию из данных фактов? Иногда то и другое, чаще все вместе. Потом, чем критика должна быть? Частным выражением мнения того или другого лица, принимающего на себя обязанность судьи изящного, или выражением господствующего мнения эпохи в лице ее представителей, которое есть результат прежде бывших мнений, прежде бывших опытов и наблюдений? Без сомнения, она имеет право быть тем и другим, но в первом случае она должна быть шагом вперед, открытием нового, расширением пределов знания, или даже совершенным его изменением, должна быть делом гения; во втором случае она меньше рискует, но зато может быть увереннее в самой себе, может быть всегда истинною в отношении к своему времени. Итак, критика первого рода есть исключение из общего правила, явление великое и редкое; критика второго рода есть усилие уяснить и распро-

странить господствующие понятия своего времени об изящном. В наше время, когда основные законы творчества уже найдены, это есть единственная цель критики. Уяснить эти законы теоретически, подтвердить их истину практически, вот ее назначение. Теория есть систематическое и гармоническое единство законов изящного; но она имеет ту невыгоду, что заключается в известном моменте времени, а критика беспрестанно движется, идет вперед, собирает для науки новые материалы, новые данные. Это есть движущаяся эстетика, которая верна одним началам, но которая ведет вас к ним разными путями и с разных сторон, и в этом-то заключается ее прогресс. Вот почему, критика так важна, так всеобща; вот почему она завладела общим вниманием и приобрела такой авторитет, такое могущество. Дарование критика есть дарование редкое и потому высоко ценимое; если мало людей, наделенных от природы большим или меньшим участком эстетического чувства, способных принимать впечатления изящного, то как же должно быть мало людей, обладающих в высшей степени этим эстетическим чувством и этою приемлемостью впечатлений изящного?.. Ошибаются те люди, которые почитают ремесло критика легким и более или менее всякому доступным: талант критика редок, путь его скользок и опасен. И в самом деле, с одной стороны, сколько условий сходится в этом таланте: и глубокое чувство, и пламенная любовь к искусству, и строгое многостороннее изучение и объективность ума, которая есть источник беспри-

страстия, способность не поддаваться увлечению; с другой стороны, какова высота принимаемой им на себя обязанности! На ошибки подсудимого смотрят как на что-то обыкновенное; ошибка судьи наказывается двойным посмеянием.

Предмет критики есть приложение теории к практике. Всякое критическое рассмотрение, имеющее своим предметом не прямо изящное, а что-нибудь имеющее к нему отношение, есть не критика, а полемика, как бы оно ни было скромно, вежливо, тихо и безжизненно. Статья о мнениях какого-нибудь журнала об изящном есть критика; статья о самом журнале есть полемика или простое суждение. Статья о сочинениях истинного поэта, в которой доказывается, почему он есть истинный поэт, или статья о сочинениях поэта-самозванца, в которой доказывается, почему он есть поэт-самозванец, такая статья есть критика; статья о произведении человека, которого никто не думал почитать поэтом и которого сочинения не идут под поверку теории, есть полемика. Под словом «полемика» я разумею здесь не брань, не споры, а все, что называется рецензией и простым выражением мнения о каком-нибудь литературном предмете. Цель критики высокая – проверка фактов умозрением и, наоборот: цель полемики низшая – защита здравого смысла. Критика опирается на умозрение, полемика на здравый смысл. Я почел необходимым сделать это разделение: у нас всякая статья, в которой судится о каком-нибудь литературном предмете, называется критикою.

Всякое дело должно быть сообразно с обстоятельствами, в ладу с отношениями. Так и критика. Мы сказали, что она такое; теперь мы должны сказать, чем она должна быть у нас в России. В Германии, стране критики, критика идеальна, умозрительна; во Франции критика положительная, историческая. Какова же должна быть критика в России?.. Но может ли быть у нас даже какая-нибудь критика, когда у нас нет литературы? Г. Шевырев однажды коснулся этого вопроса и решил, что у нас критика должна, как у немцев, предшествовать литературе. Мнение, может быть, неверное, но остроумное! Не хочу рассматривать его; скажу только, что, по моему мнению, нашей литературе должна предшествовать некоторая образованность вкуса, или, другими словами, у нас сперва должны явиться читатели, *dilettanti*¹, а потом уже и литература. Немцы сделались критиками вследствие своего характера, своего умозрительного направления, следовательно, у них критика родилась сама; у нас она есть усилие или подражание, так же как и литература. Я не знаю политической экономии и потому не могу решить, продукт ли родит потребителей, или потребители рожают продукт; по крайней мере у нас сперва должны явиться требователи на литературу, а потом уже и литература. А то смешное дело! Хотят, чтобы у нас были поэты, когда их еще некому читать. Цветущее состояние нашей книжной торговли не только не опровергает этого положения, но еще подтверждает его: там, где с равною

---

¹ Любители. — *Ред.*

жадностью читается и хорошее и дурное, где равный успех имеют и «песенники» г. Гурьянова и стихотворения Пушкина, там видна охота к чтению, но не потребность литературы. Когда наша читающая публика делается многочисленной, взыскательна и разборчива, тогда явится и литература.

Из этого ясно видно назначение критики в России. У нас принесет пользу критика высшая, трансцендентальная: она необходима; но она у нас должна являться многоречивою, говорливою, повторяющею саму себя, толковитою. Ее целью должен быть не столько успех науки, сколько успех образованности. Наша критика должна быть гувернером общества и на простом языке говорить высокие истины. В своих началах она должна быть немецкою, в своем способе изложения французскою. Немецкая теория и французский способ изложения – вот единственный способ сделать ее и глубокою и общедоступною. Немцы обладают умозрением, но не мастера посвящать профанов в свои таинства, их может понимать их же каста – ученые; французы зыбки и мелки в умозрении, но мастера мирить знание с жизнью, обобщать идеи. Подражать же исключительно немцам пока бесполезно, французам – вредно, потому что, с одной стороны, идея всегда должна быть зерном учения, но не должна пугать своею глубиною, должна быть доступна, с другой стороны, практические начала без основной идеи – пустой орех, которого не стоит труда грызть. Во всяком случае не надо забывать, что русский ум любит простор, ясность, определенность: чистое умозре-

ние его не отуманит, но отвратит от себя; фактизм может сделать его мелким, поверхностным.

У нас любят критику – об этом нет спора. Книжка журнала всегда разогнута на критике, первая разрезанная статья в журнале есть критика; как бы ни был дурен журнал, в каком бы он ни был упадке, но если в нем случится хоть одна замечательная критическая статья, она будет прочтена, заключающая ее книжка вынется из-под спуда и увидит свет божий; критике больше всего бывает обязан журнал своею силою. Без критики журнал есть образ без лица, анатомический препарат, а не живое органическое существо. Почему же так? Тут скрывается много причин: и оскорбленное самлюбие, и личные отношения, но более всего *жажда образованности*. Теперь очень ясно, чем должна быть в России критика, какая ее цель и каким путем должна она идти к своей цели. Равным образом теперь ясно видно, как важна у нас критика, как благотельно влияние хорошей критики и как вредно дурной.

Окончив эти предварительные объяснения, которые я почитал необходимыми, приступаю к самому делу.

Я не без намерения сказал о различии критики от полемики, не без намерения дал моей статье заглавие не просто «О критике Московского наблюдателя», но «О критике и литературных мнениях Московского наблюдателя»: если бы я стал говорить только о его критике, то мне было бы не о чем говорить, потому что собственно критических статей в «На-

блюдателе» было не больше двух или трех, остальные все полемические, в том смысле, какой я даю полемике. Я буду рассматривать все статьи по порядку, буду следить все мнения шаг за шагом.

Г. Шевырев есть исключительный и привилегированный критик «Московского наблюдателя»: его статьи составляют лучшее украшение и дают некоторую жизнь и движение этому журналу, который так беден жизнью и движением. Поэтому на его статьи я должен обратить особенное внимание. Г. Шевырев литератор деятельный, добросовестный, оригинальный во мнениях и слоге, литератор с дарованием и авторитетом: тем большего внимания заслуживают его критические мнения, а всякое внимание, будет ли оно поддержкою или реакциею, есть признак уважения. Опровергать можно только то, что имеет влияние на публику, а иметь это влияние может только талант. Вот что заставило меня взяться за перо, вот с каким чувством и вследствие какой причины приступаю я к разбору мнений г. Шевырева.

Г. Шевырев дебютировал в «Наблюдателе» статьею «Словесность и торговля». Это была статья не критическая, а полемическая. Г. Шевырев изъявляет в ней сожаление, что наша литература превратилась в промышленность, что она «подружилась с книгопродавцем, продала ему себя за деньги и поклялась в вечной верности»^[1]. Это выражение есть остроумная и чрезвычайно верная характеристика современной нашей литературы. Вообще вся статья отличается каким-то

грустным чувством негодования и колким остроумием в выражении. В ней много справедливого, глубоко истинного и поразительно верного; но вывод ее решительно ложен. Автор доказал совсем не то, что хотел доказать, как увидим ниже. Последуем за ним в его статье:

...Наш писатель то, что можно сказать одним словом, выражает предложением, а предложение, достаточное для мысли, вытягивает в длинный, предлинный период, период в убогую страницу, страницу в огромный лист печатный... Его слог, как проволока, может до бесконечности вытягиваться... Но в чем тайна всего этого? В том, что цена печатного листа есть 200 или 300 рублей; что каждый эпитет в статье его ценится, может быть, в гривну, каждое предложение есть рубль; каждый период, смотря по длине, есть синяя и красная ассигнация!..

Все это очень остроумно и верно; но сделаем еще несколько выписок.

Итак, болтливость нашего слога, бесконечные плеоназмы, необделанные периоды, ряды синонимов, существительных, прилагательных и глаголов на выбор, все эти свойства скорописи, одолевающей нашу литературу, имеют начало свое в том, что ныне слова — деньги, и слог чем грузнее, тем выгоднее. От такого слога растет статья, толстеют листки книги, вздувается самая книга, как калач у пекаря, наблюдающего выгоды припеки.

На журналы я смотрю, как на капиталистов. «Библиотека для чтения» имеет для меня пять тысяч душ подписчиков. «Северная пчела» – может быть, вдвое². Замечательно, что эти журналы еще в том сходятся с богачами, что любят хвастаться всенародно своим богатством. И эти души подписчиков гораздо вернее, чем твои оброчные: за ними никогда нет недоимки; они платят вперед и всегда чистыми деньгами, и всегда на ассигнации. Вот едет литератор в новых санях: ты думаешь, это сани. Нет, это статья «Библиотеки для чтения», получившая вид саней, покрытых медвежьего полстью с богатыми серебряными когтями. Вся эта бронза, этот ковер, этот лак чистый и опрятный – все это листы этой дорого заплаченной статьи, принявшие разные виды санного изделия. Литератор хочет дать обед и жалуется, что у него нет денег. Ему говорят, – да напиши повесть и пошли в «Библиотеку»: вот и обед.

Вызови на страшный суд того писателя, которого первый роман, внушенный вдохновением честным и приготовленный долгим трудом, завоевал внимание публики! Спроси совесть его о втором, о третьем», о четвертом его романе! Вследствие чего они явились? Не насильно ли выпросил он их у непокорного вдохновения, у невнимательной истории? Не торопился ли он всем напряжением сил своих

---

² Факт очень неверный! У «Пчелы» нет и четвертой доли подписчиков «Библиотеки», да и которых она имеет, и те, говорят, с каждым годом уменьшаются в числе.

против условий Музы, чтоб только воспользоваться свежестью первого успеха! Его насильственное второе, более насильственное третье и четвертое вдохновение не были ли плодом того безотчетного но сладкого чувства, что роман теперь самая верная спекуляция?

Повторяю, в этих выписках заключается самое верное изображение современной литературы. Но что же этим хотел сказать почтенный критик? Не противоречит ли он самому себе? Теперь наши литераторы в чести, живут своим ремеслом, а не посторонними и чуждыми их призванию трудами: это прекрасно, это должно радовать. Теперь талант есть богатое наследство, он уже не ропщет на несправедливость судьбы, он уже не завидует праву знатного происхождения, доставляющего все выгоды, все блага жизни: это утешительно, это отрадно!.. Но, полно, правда ли, что «наша литература дает обеды, *ответ в чертогах*, ходит по коврам, ездит в каретах, в лаковых санях, кутается в медвежью шубу, в бекешь с бобровым воротником, возвышает голос на аукционах Опекунского совета, покупает имения...»? Нет ли в этих словах преувеличения, гипербол? Не слишком ли далеко увлекся автор в своем благородном негодовании? Или не смешивает ли он вещей, ложно принимая одну за другую? Правда, нам известны два или три романиста, которые обеспечили на всю жизнь свое состояние своими первыми романами, но это было еще до основания «Библиотеки»: за что ж взводить на нее небывалые вины, когда у ней

бывалых много? «Иван Выжигин» явился в то время, когда еще наша литература не была торговлею, когда она была во всем цвете своем. Вслед за «Иваном Выжигиным» появились «Юрий Милославский», «Димитрий Самозванец», «Рославлев», «Последний Новик», а «Библиотека» явилась уже после всех них. Повестями же и журнальными статьями, даже при усиленной деятельности, можно только жить кое-как, но об обеспечении своего состояния нельзя и думать. Спрашиваю г. Шевырева: из участвующих в «Библиотеке» поместил ли хоть кто-нибудь более двух или трех статей в год?.. А на три статьи, как бы они дороги ни были, право, не наживешь *чертогов*, не заведешь кареты, много-много разве купишь сани, да без лошадей на них далеко не уедешь... Где ж логика, где справедливость? Странное дело, как сильно овладела г. Шевыревым ложная мысль, что в наш век поэты и литераторы превратились в каких-то Великих Моголов!.. Но об этом будет ниже, когда дойдет до его статьи о «Чаттертоне». Нет, г. критик, будем радоваться от искреннего сердца и тому, что теперь талант и трудолюбие дают (хотя и не всем) честный кусок хлеба!.. И в этом отношении «Библиотека для чтения» заслуживает благодарность, а не упрек. Но вы видите в этом вред для успехов литературы, вы говорите, что наши вторые романы бывают как-то хуже первых, третьи хуже, вторых, что наши повести водяны, периоды длинны, обременены без нужды эпитетами, глаголами, дополнениями: все это правда, во всем этом я согласен с вами, да вы ошибаете-

тесь в причине этого явления. Вспомните, что каждый стих Пушкина обходился книгопродавцам в красненькую, если не больше, а ведь стихи Пушкина от этого нисколько не были хуже; вспомните, что за «Пиковую даму» и «Княжну Мими» «Библиотека» заплатила деньгами, ассигнациями, а вы сами хвалите эти повести. Вот вам самый простой и самый убедительный факт. Он доказывает, что *истинный талант не убивают деньги*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Об этой статье см. вступительную заметку к статье «О русской повести и повестях Гоголя» (в наст. томе).